

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(1): 5-13
DOI: 10.13187/bg.2023.1.5

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

The Legal Regime of the Institution of Pledge in the Pskov Court Charter

Ekaterina A. Sviridova ^{a, *}, Natalya I. Besedkina ^a, Ruslan V. Mamedov ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article discusses the features of the development of legal regulation of the institution of pledge in the Pskov Court Charter of 1467. Considerable attention is paid to the analysis of archival and historical-legal documents, as well as to the study of birch bark letters and parchments containing IOUS, lists of debtors, acts of mortgage transactions. An additional source of research was collections of legal monuments of medieval Russia, which allowed us to come to the conclusion about the significant development of collateral legal relations in the last century of independence of the Pskov Republic. The article analyzes the functions of the pledge, examines the institution of change of persons in the pledge obligation, the specifics of the implementation of the pledge object, the grounds for the emergence of collateral legal relations. The purpose of this study is to conduct a historical and legal analysis of the evolution of the institution of the pledge of Old Russian civil law contained in the Pskov Court Charter. It is concluded that it is possible to consider the Pskov Judicial Charter as a codified act of legislation that laid the foundations of individual institutions of pledge law. It is proved that the Pskov Judicial Charter fixes the security and evidentiary functions of the pledge. The authors formulate a conclusion that there are two grounds for the occurrence of a pledge in the Pskov Court Certificate: on the basis of a contract and by virtue of the law. Based on the analysis of the Pskov and Novgorod charters, it is concluded that the institute of pledge of property law existed during the period of validity of the Pskov Court Charter. The interpretation of the subject of pledge in the Pskov Court Charter is proposed to be extended, including not only objects of the material world, but also property rights of claim.

Keywords: Pskov Court certificate, pledge, property rights, subject of pledge, contract, obligation, certificates, creditor, debtor.

1. Введение

Залог издревле существует как способ обеспечения исполнения обязательства. Первые упоминания о залоге можно найти в Древнем Египте, где была распространена практика выдачи ссуды под залог недвижимого имущества. Само понятие залога относится к началу VI века до нашей эры и получило распространение на территории Древней Греции: традиция восходит корнями к практике установления столбов на землях должников (т.н. ипотеки) (Брокгауз, Ефрон, 1894; 1900). Рецепция древнегреческого института залога произошла в Древнем Риме, хотя единой терминологии в отношении него не сложилось.

Основными формами залога в Древнем Риме были фидуция и пигнус. Фидуцию можно расценивать как прокредиторскую форму залога, где интересы кредитора превалируют над

* Corresponding author

E-mail addresses: esviridova@fa.ru (E.A. Sviridova), nbesedkina@fa.ru (N.I. Besedkina), rvmamedov@fa.ru (R.V. Mamedov)

интересами должника в обязательственных правоотношениях. В случае неисполнения обязательств, принятых на себя, должник лишался права собственности на заложенную вещь (Бартошек, 1989: 133). Ручной заклад (пигнус) не подразумевал изначальный переход права собственности на вещь залогодержателю (кредитору), вещь передавалась лишь во владение до возврата долга. Именно пигнус И.С. Розенталь считал более соответствующим интересам Древнего Рима для развития коммерческого оборота (Римское частное право, 1948).

Именно римское залоговое право оказало существенное влияние на развитие данного института в Древней Руси. Однако произошло это значительно позднее, нежели в странах Западной Европы. Считается, что впервые залог как полноценный правовой институт упоминается в Псковской судной грамоте. Вместе с тем Е.Г. Никонова полагает, что закупничество, существовавшее в Древней Руси, можно рассматривать как разновидность залога (Никонова, 2005: 15). Хотя в истинном значении данного слова закупничество вряд ли можно рассматривать как вид залога, т.к. залог традиционно относился к вещному праву и предполагал в качестве своего предмета вещь, в то время как закупничество подразумевало залог личности («самопродажа в холопство»).

Развитие торговли привело к разделению труда и увеличению денежного обращения, которое сдерживалось наличием крепостного права. Нехватка денежных средств в совокупности с необходимостью проведения торговых операций создавали предпосылки для развития кредитных отношений. В связи с тем, что Новгородская судная грамота дошла до нас лишь частично, Псковскую судную грамоту следует рассматривать как главный источник правового регулирования залога на Руси XV века. Этот документ был составлен между 1462 и 1471 годами, однако некоторые его части относятся к более раннему периоду, к XIV, возможно, к XI веку (Vodoff, 1970).

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили различные письменные источники, закрепленные в позитивном и обычном праве Древней Руси: законодательные тексты, дипломатические документы, эпистолярные документы, литературные и повествовательные тексты. Основными юридически значимыми документами, используемыми в статье, являются Русская Правда, которая по точному определению В.О. Ключевского, по преимуществу является памятником древнерусской кодификации, а не законодательства (Ключевский, 2019), и Псковская Судная грамота, которая по мнению М.Ф. Владимирского-Буданова изменяла и дополняла положения Русской Правды (Владимирский-Буданов, 2005). Псковская Судная грамота как основной источник права, регулирующий залоговые отношения, был выбран потому, что является первым значимым нормативным актом, в котором существенное правовое регламентирование получили гражданско-правовые нормы. Кроме того, статьи Псковской Судной грамоты представляют интерес с точки зрения анализа эволюции правовых институтов залога и обязательства и рецепции их правового регулирования в современном законодательстве. Псковская Судная грамота как источник древнерусского права оставляет открытым ряд дискуссионных вопросов, которые приобретают новое осмысление по мере обнаружения и исследования новых источников познания древнерусского права.

В качестве дополнительного источника права в статье использовалась Новгородская Судная грамота, дошедшая до наших дней не целиком. Практика применения норм о залоге раскрывается в вечевых постановлениях и договорных грамотах с князьями, содержащихся и хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация). Значительные выводы в данном исследовании были получены в результате изучения берестяных грамот и пергаментов, содержащих долговые расписки, списки должников, акты закладных сделок. Среди дипломатических документов в основном были использованы несколько завещаний и договоров на пергаменте или бумаге.

Значимыми и исторически важными источниками в процессе исследования института залога в древнерусском праве являются сборники памятников права средневековой Руси (М. Szeftel, А.А. Зимин, Б.Д. Греков).

Методологическая основа исследования. При проведении исследования были использованы общенаучные методы: аналитический, системно-структурный, сравнительно-исторический, типологический, хронологический. Применение вышеперечисленных методов научного анализа позволило автору выявить основания, причины и тенденции формирования института залога в древнерусском праве, проанализировать и обобщить имеющиеся данные.

3. Обсуждение

Системный анализ норм Псковской Судной грамоты в дореволюционный период предприняли И. Энгельман (Энгельман, 1855) и Ф. Устрялов (Устрялов, 1855). Конкретным вопросам, связанным с анализом источников Псковской Судной грамоты и эволюции древнерусского законодательства, исследованием отдельных институтов ее правового регулирования посвящены, в частности, работы М.М. Боговского, И.И. Василева, М.Ф. Владимирского-Буданова, Н. Дювернуа, В.О. Ключевского, Н.В. Кирпичникова, П.В. Михайлова, К.А. Неволлина, Б.Н. Чичерина, Н.С. Суворова (Владимирский-Буданов, 2005; Ключевский, 2019). Комментированием статей Псковской Судной грамоты

занимались такие ученые, как А.И. Андреев, П.А. Аргунов, Б.Б. Кафенгауз, Л.В. Черепнин, Б.Д. Греков, И.Д. Мартысевич, Н.Н. Масленникова, А.А. Зимин, Ю.Г. Алексеев, Н.Н. Покровский и др. (Мартысевич, 1951; Греков, 1946; Памятники..., 1953; Кафенгауз, 1939). Исследование института залога было предпринято Д. Мейером, Л.В. Черепниным, А.В. Арциховским (Арциховский, 1963; Арциховский, 1955; Черепнин, 1969).

Советская юридическая наука оставила за пределами исследования историко-правовые аспекты анализа средневековых договоров залога. А.А. Зимин рассмотрел отдельные виды актов с древнейших времен до начала XVIII века в «Памятниках русского права» (Памятники..., 1953). Л.В. Черепнин исследовал генезис правовой системы Древней Руси и эволюцию некоторых видов грамот (Черепнин, 1969). При этом оба исследователя уделяли минимальное внимание юридическому смыслу исследуемых актов, акцентируя внимание на социально-экономических аспектах истории.

4. Результаты

В настоящее время известны следующие функции залога: доказательственная, обеспечительная и стимулирующая. Доказательственная функция залога проявляется в том, что залог, обеспечивая основное обязательство, доказывает сам факт его существования. Обеспечительная функция заключается в обеспечении исполнения основного обязательства, когда для должника исполнить основной долг выгоднее, чем потерять предмет залога в случае невыплаты долга. Стимулирующая функция носит скорее психологический и экономический, нежели правовой характер и призвана оказывать влияние на поведение должника, способствуя своевременному исполнению обязательства. Необходимо определить, какие функции залог исполнял в средневековой Руси, когда существовала Псковская Судная грамота.

До Псковской Судной грамоты ни в одном юридическом документе не содержалось упоминания обеспечительной или доказательственной функции залога. Доказательствами возникновения заемных правоотношений служили свидетельские показания. Помимо свидетелей, доказывать выдачу займа третьему лицу дозволялось посредством института поручительства. В берестяных грамотах Великого Новгорода XIV века содержится упоминание должника, не выплатившего долг и бежавшего из Пскова в Ригу (Грамота Пскова Риге с требованием выдачи должника Нездильца поручившемуся за него псковичу Ивану Голову); долг его при этом был обеспечен поручительством местного жителя (Грамоты..., 1949: 317-318). Статья 32 Псковской Судной грамоты предусматривает, что в случае поручительства кого-либо за должника в обеспечение возврата долга, займодавцу предоставлено право подачи иска к такому поручителю, даже если должник предъявит на суде платежную расписку, доказывающую уплату долга кредитору. Такая расписка имела силу доказательства уплаты долга и освобождала поручителя от повторной его оплаты за должника только в случае, если в городском архиве находилась ее копия. Практика применения данного положения отражена в берестяной грамоте № 389 (XIV век), согласно которой кредитор Лука Варфоломеевич, по-видимому, угрожает своему должнику, что обратится к поручителю, если долг не будет выплачен в надлежащий срок (Арциховский, 1963: 88-89; Черепнин, 1969: 355-356).

Однако практика поручительства (порука) в качестве единственного способа обеспечения исполнения обязательства была ограниченной. Согласно статье 33 Псковской Судной грамоты порука может быть способом обеспечения обязательства только в отношении займа размером, не превышающим одного рубля. В обязательствах с суммой долга сверх рубля использовать поручительство не допускалось. Статья 30 Псковской Судной грамоты разрешала предоставлять займы без обеспечения, если его сумма не превышала одного рубля. Денежные займы на сумму свыше рубля предоставлять без залога или без формальной записи запрещалось. Хотя такой запрет, по сути, не карался никаким наказанием в виде штрафных санкций. Однако последствием выдачи займа в сумме, превышающей рубль, без соответствующего обеспечения являлся отказ в иске. Если в суде по иску о взыскании долга свыше рубля, не обеспеченному залогом, ответчик искивые требования не признавал, судья решал дело в пользу ответчика.

В завещании Евстафия Ананьича Своеземцева (1393 г.) содержится упоминание о возможности предоставления кредитором в залог долговой расписки, если он, в свою очередь, брал займ у должника (Грамоты..., 1949: 167). Трудно найти аналог подобного института в современном российском праве. С одной стороны, предметом залога может быть всякое имущество, за исключением имущества, на которое не допускается обращение взыскания, требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, и иных прав, уступка которых другому лицу запрещена законом. Имущество включает в себя любые вещи и имущественные права. Таким образом, можно предположить, что Псковской Судной грамоте уже известен такой институт, как залог имущественного права, т.к. упоминаемые в новгородских грамотах долговые расписки удостоверяют право требования кредитора к должнику. А значит, передавая в залог долговой документ, который сам по себе не имел никакой имущественной ценности, кредитор по сути предоставлял в залог должнику свое право требования к последнему. В современном праве в

подобной ситуации справедливо было бы использовать конструкцию зачета встречных взаимных и однородных обязательств, когда обязательство должника перед кредитором прекращается в результате принятия к зачету встречного требования должника к кредитору. Залог в этом случае прекратится как акцессорное обязательство вместе с прекращением обязательства основного. Однако в Псковской Судной грамоте не упоминается такой институт, как зачет, а значит речь идет о расширительном понимании предмета залога, включающего не только предметы материального мира, но и имущественные права требования. Долговой документ в этом случае играет роль свидетельства, удостоверяющего наличие этого имущественного права у кредитора.

Однако, помимо долговых расписок, Псковская Судная грамота в статье 30 упоминает еще один документ: доски. Простой доской можно было удостоверить выдачу займа в размере, не превышающем рубля. Подобного рода заемные доски, в силу статьи 28 Псковской Судной грамоты, сами могли стать предметом взыскания или быть обеспечены залогом. Вместе с тем закладная доска не являлась бесспорным доказательством предоставления долга под залог имущества. В случае, если должник не предоставил закладной доски, а впоследствии до исполнения своего обязательства потребовал от кредитора возврата предмета залога, заявив, что отдавал имущество не в залог, а на хранение, суд должен верить слову кредитора даже в отсутствие у него доказательства займа и залога в форме закладной доски.

Из текста Псковской Судной грамоты нельзя сделать однозначный вывод о форме закладных досок. В.А. Удинцев отмечал широкую известность формы закладных досок авторам Псковской Судной грамоты и гражданам, что исключало необходимость разъяснять их ценность на страницах юридического документа (Удинцев, 1908). А.В. Арциховский полагал, что некоторые берестяные документы, в том числе списки должников, могут быть такими досками (Арциховский, 1958: 15). А.А. Зимин относит к закладным доскам также документы на пергаменте или бумаге, расположенные между двумя дощечками (Памятники..., 1953: 339).

Если обратиться к доказательственной функции залога, то наличие залоговых правоотношений доказывает наличие основного обязательства между кредитором и должником, т.к. с прекращением основного обязательства прекращается и дополнительное обязательство. Не вызывает сомнений, что во времена, когда Псковская Судная грамота имела юридическую силу, залог также считался акцессорным обязательством. И если несколькими веками ранее закладные доски выступали как весомое и значимое доказательство существования заемного обязательства, то позднее доказательственная сила досок уступает самому залого. Так, новгородский документ, датированный 1209 годом, свидетельствует о конфискации во время восстания закладных досок у ростовщика, что говорит о значимости самой доски, даже в отсутствие предмета залога (Памятники..., 1953: 218).

О юридической силе досок в качестве доказательства существования заемного обязательства говорит и статья 61 Псковской Судной грамоты, согласно которой при обнаружении на суде подложных досок они признавались недействительными. Таким образом, доски самостоятельно могли играть роль расписки в получении займа или передаче предмета залога. Однако, начиная с XV века, самостоятельная роль закладных досок снижается, подобного рода «расписки» стали выдаваться при займе средств в размере, не превышающем один рубль, в то время как на суммы более рубля закладные доски стали играть роль дополнительного доказательства. Обязательства должника в это время могли обеспечиваться только залогом. Статья 29 Псковской Судной грамоты указывает на этот факт: в отсутствие закладной доски суду надлежало руководствоваться предоставленным кредитором предметом залога, а сумма займа определялась по устному заявлению кредитора, которому следовало верить беспрекословно.

О доказательственной функции залога свидетельствует и статья 31 Псковской Судной грамоты. Она описывает ситуацию, когда заем брался под залог движимого имущества, стоимость которого меньше суммы долга, без выдачи закладной доски. В этом случае, если на суде должник отрицал факт заемных правоотношений, равно как и факт передачи в залог какого-либо имущества, предмет залога переходил в собственность кредитора, а долг считался погашенным. Таким образом, можно сделать вывод, что залог считался в суде самостоятельным доказательством существования заемных правоотношений, даже в отсутствие подтверждающей выдачи займа доски.

Интересно, что рассматриваемая норма явно не учитывала принцип справедливости, известный римскому праву, т.к. стоимость предмета залога могла явно не покрывать всех убытков кредитора, связанных с неуплатой долга, не говоря уже о самой сумме долга. Современное российское гражданское законодательство принципа соразмерности и справедливости придерживается в полной мере. Как правило, предмет залога не остается за кредитором, а реализуется на публичных торгах, направленных на получение как можно большей продажной цены. В этом случае, если вырученная сумма окажется меньше суммы основного обязательства, последнее не прекращается. В ряде случаев кредитор вправе оставить предмет залога за собой, но и тогда, если стоимость оставляемого за залогодержателем имущества выше размера неисполненного обязательства, обеспеченного залогом, разница подлежит выплате залогодателю. Однако в обратной ситуации право залогодержателя требовать от должника доплаты разницы в законодательстве отсутствует, т.к. оставление предмета залога за кредитором осуществляется по

соглашению с должником. Таким образом, можно рассматривать используемую Псковской Судной грамотой правовую конструкцию в качестве предвестника современного института договора между кредитором (залогодержателем) и должником (залогодателем) об оставлении залогодержателем предмета залога за собой. Основанием для прекращения основного обязательства, обеспеченного залогом, по современному законодательству является соглашение между кредитором и должником, в то время как основанием прекращения займа по Псковской Судной грамоте выступает решение суда. Кроме того, прекращение заемного правоотношения между кредитором и должником с оставлением залога за кредитором при сумме долга выше стоимости залога нельзя рассматривать как прощение долга, т.к. последнее возможно только на основании добровольно выраженного волеизъявления самого кредитора, а не в силу принудительного решения властного органа, как это предусмотрено статьей 31 Псковской Судной грамоты.

Статья 31 Псковской Судной грамоты называет в числе движимого имущества платье, вооружение и коня. Перечень этот не закрыт и подлежит расширительному толкованию. При этом признаков движимого имущества юридический документ не содержит. Помимо движимого имущества, в качестве предмета залога могут выступать и недвижимые вещи. Насколько это было распространено на Руси XIV–XV веков, можно судить из берестяных грамот.

Изначально в Древней Руси залог был неразрывно связан с куплей-продажей. Сохранившиеся до нашего времени акты закладных сделок свидетельствуют о передаче прав владения и пользования на недвижимую вещь залогодержателю с сохранением права собственности за залогодателем. В случае неисполнения основного обязательства право собственности на заложенную недвижимость переходит к кредитору путем превращения закладной в купчую. Таким образом, залог недвижимости носил трансформационный характер, при котором обязательственное право залога кредитора трансформировалось в вещное право собственности с момента неисполнения основного обязательства, обеспеченного залогом (Владимирский-Буданов, 2005: 665-667).

Однако существовала и вторая форма залога, получившая распространение в Пскове, при которой право владения и право пользования землей не переходили к залогодержателю. Такой залог оформлялся передачей грамот, удостоверяющих право собственности на недвижимую вещь, кредитору, что лишает собственника возможности отчуждать вещь или заложить ее другому. Письменные свидетельства того времени подтверждают отсутствие права владения и пользования у кредитора, указывая, что кредитору предоставляется право возделывать землю не ранее наступления срока исполнения обеспеченного залогом обязательства и лишь в случае, если оно не будет исполнено.

Статья 109 Псковской Судной грамоты в случае залога недвижимых вещей придает больший вес и значимость совокупности доказательств существования заемного правоотношения, включающей сам заклад и формальные записи. Наличие только грамоты, удостоверяющей право собственности на недвижимый предмет залога, требует от участников процесса приведения к присяге.

Современное российское законодательство предусматривает два основания возникновения залоговых правоотношений: на основании соглашения сторон (в силу договора) и в случае наступления указанных в законе обстоятельств (залог в силу закона). Как показывает анализ приведенных выше статей Псковской Судной грамоты, русскому праву XV века был известен залог на основании договора. Возникает вопрос, существовала ли конструкция залога на основании закона.

Думается, следует утвердительно ответить на данный вопрос. Статья 76 Псковской Судной грамоты содержит правило об обращении взыскания на движимое имущество зависимого земледельца в случае его побега за границу Псковского государства. Если срок уплаты подмоги наступил, землевладелец вправе в присутствии посадского пристава, волостных старост и сторонних людей реализовать оставленное в имении движимое имущество земледельца, вырученные от продажи денежные средства погашают задолженность по оплате подмоги. Если денежных средств недостаточно для полного погашения долга по уплате подмоги, долг земледельца не прекращается и в случае его возвращения землевладелец сохраняет право требования долга в оставшейся части с земледельца.

На первый взгляд может показаться, что в данной статье речь идет о неких штрафных санкциях, возможно, некой форме конфискации имущества земледельца за нарушение им своих обязательств по выплате подмоги. Однако конфискация является прежде всего публично-правовым институтом, в то время как правоотношения между землевладельцем и земледельцем явно носят частно-правовой характер. Несмотря на отсутствие единого мнения среди ученых о правовом характере подмоги (некоторые считают ее беспроцентной ссудой, другие рассматривают в качестве подмоги «с ростом» (Греков, 1946; Кафенгауз, 1939), речь идет явно о заемных средствах, формирующих долговое обязательство, а значит о частно-правовых отношениях двух субъектов. Полагаем, что статья 76 Псковской Судной грамоты содержит частный случай залога, возникающего в силу закона: движимое имущество зависимого земледельца поступает в залог землевладельца в случае просрочки уплаты подмоги. Современное действующее российское законодательство не называет никаких похожих случаев возникновения залога в силу закона. Среди последних российский законодатель указывает прежде всего ипотеку, когда при совершении сделки купли-продажи недвижимости право залога автоматически возникает у лица, выдавшего кредит для

приобретения данной недвижимости. В случае продажи движимого имущества в кредит или с условием о рассрочке платежа это имущество поступает в залог продавца. Схожие нормы существуют в отношении рентных обязательств. Однако отсутствие идентичного случая залога в силу закона в современном законодательстве не свидетельствует о его иной правовой природе. Правовая природа определяется сутью самого права, содержанием правоотношения. Таким образом, следует констатировать существование уже в XV веке на территории Псковского государства двух видов залога: в силу договора (соглашения) и на основании закона.

Важным правовым институтом, связанным с залоговыми правоотношениями, является институт наследования. По общему правилу залог следует за вещью, у кого бы вещь не оказалась, за исключением добросовестного приобретателя. В случае смерти должника (залогодателя) все его имущество, в том числе переданное в залог, включается в наследственную массу, а это означает, что наследники становятся на место своего правопреемника и будут нести обязанности по его обязательствам перед кредитором. Современное законодательство предусмотрело также случаи приятия наследства несколькими наследниками: если предмет залога является делимым (например, товары), в случае неисполнения обеспеченного залогом обязательства залогодержатель получает право обратиться к каждому из наследников соразмерно перешедшей к нему доле; при неделимости предмета залога наследники рассматриваются в качестве солидарных должников.

Исходя из статьи 104 Псковской Судной грамоты, институт правопреемства в отношении обязательств, обеспеченных залогом, существовал уже тогда. Статья посвящена определению силы доказательств существования заемного обязательства, однако из ее системного толкования можно сделать вывод, что родственники умершего должника наследуют право выкупа заложенных умершим грамот в обеспечение займа. Выкуп в контексте анализируемой статьи следует рассматривать как погашение долга умершего, т.к. лишь с надлежащим исполнением обеспеченного залогом обязательства прекращается залог в отношении имущества. Надо полагать, что в случае невыплаты долга родственниками (наследниками) право на заложенное имущество к ним не переходит и право собственности на него возникает у кредитора.

Псковской судной грамоте также уже был известен институт очередности удовлетворения требований кредиторов при множественности лиц на стороне залогодержателя. При этом приоритет в Древней Руси отдавался кредиторам из другой страны или из другого города. В Договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 года сказано, что, если у должника есть несколько кредиторов и торговец из другого города или другой страны, не зная об этом факте, продает товар в кредит такому должнику, в случае невыплаты последним долга за товар, который находится в залоге у продавца (торговца), должник обязан сначала оплатить товар продавцу и лишь оставшиеся после оплаты денежные средства вправе поделить между собой местные кредиторы (*Памятники..., 1953: 60*).

Подтверждение этого правила можно найти в проекте Новгородского договора с Любеком и Готским берегом 1269 года о торговле и суде, согласно которому, если кто-нибудь будет торговать с немцем или готом и задолжает им, то прежде всего он должен заплатить «гостям» (*Грамоты..., 1949: 61*). Однако в архивных документах отсутствуют более поздние следы этого обычая.

Современное гражданское законодательство строит свои нормы на принципе справедливости, отдавая приоритет кредиторам в зависимости от момента возникновения залога: чем старше залог, тот кредитор и получит удовлетворение своего требования первым. Исключение сделано в отношении недобросовестного залогодержателя, который в день заключения договора залога знал или должен был знать о наличии предшествующих обременений: в такой ситуации требования предшествующего залогодержателя удовлетворяются преимущественно. Как видно из приведенных источников, Псковской Судной грамоте не был известен такой правовой подход.

Взыскание долгов вызывало множество споров, некоторые из которых были урегулированы в суде. Все статьи Псковской Судной грамоты о залоге находили свое применение в судебной деятельности. Судебные процессы могли закончиться и миром (прообраз современного мирового соглашения), о чем свидетельствует статья 62, норма которой позволяла во время судебной тяжбы на основании простых досок или заклада истцу освободить ответчика от долга (своеобразный аналог современной правовой конструкции прощения долга как способа прекращения обязательства).

Статьи Псковской Судной грамоты не разъясняют характер и виды наказаний, которым подвергались несостоятельные должники. Можно с уверенностью утверждать, что общей чертой законодательства того времени являлась тотальная забота о защите прав кредитора. Статьи 28, 29, 30, 32, 38, 93 и 107 Псковской Судной грамоты свидетельствуют о прокредиторском подходе. Права должника защищались значительно меньше. Безусловно, текст Русской Правды свидетельствует об учете степени вины должника, которая привела к невозможности исполнения обязательства. Должник мог быть и вовсе освобожден от исполнения обязательства в случае обстоятельств непреодолимой силы (*Szeftel, 1963: 220*). Псковская Судная грамота подобных положений не содержит, но можно предположить, что юридическое действие Русской Правды сохранялось в силе вплоть до XV века, похожее положение можно обнаружить и в Судебнике Ивана III 1497 года (*Судебники..., 1952: 27*).

5. Заключение

Анализ статей Псковской Судной грамоты в совокупности с текстами новгородских и псковских грамот показал, что многие существующие в современном законодательстве правовые институты имели свои прообразы или аналоги в праве Древней Руси. Именно в Псковской Судной грамоте впервые среди юридических документов того времени в полной мере раскрываются обеспечительная и доказательственная функции залога. Доказательственная функция проявлялась в том, что залог рассматривался в качестве акцессорного обязательства, доказывающего существование основного обязательства (в случае отсутствия подтверждающей выдачу займа закладной доски залог выступал на суде самостоятельным доказательством существования заемных правоотношений).

Статью 31 Псковской Судной грамоты, устанавливающую правило о переходе в собственность кредитора предмета залога в случае, если стоимость предмета залога меньше суммы долга и должник отрицает факт заемных правоотношений, следует рассматривать в качестве прообраза современного договора между залогодержателем и залогодателем об оставлении залогодержателем предмета залога за собой.

Анализ Псковской Судной грамоты показал, что в период ее действия на Руси существовало два вида залога: на основании договора и в силу закона. Кроме того, законодательству того времени известен частный случай залога, возникающего в силу закона, когда движимое имущество зависимого земледельца поступает в залог землевладельца в случае просрочки уплаты подмоги.

Псковской Судной грамоте также был известен институт наследования долговых обязательств наследодателя, обеспеченных залогом. В случае невыплаты долга наследниками право на заложенное имущество к ним не переходит и право собственности на него возникает у кредитора.

В результате можно констатировать, что в Новгороде и особенно в Пскове институт кредитования был крайне распространен в последнее столетие независимости этих республик. Псковскую Судную грамоту можно признать кодифицированным актом законодательства того времени, заложившим основы многих институтов залогового права.

Литература

- Арциховский, 1963** – Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961). М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.
- Арциховский, 1958** – Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955). М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 15.
- Бартошек, 1989** – Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989.
- Брокгауз, Ефрон, 1894, 1900** – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XIII (ст. «Ипотека»), XXX (ст. «Солон»). СПб., 1894; 1900.
- Владимирский-Буданов, 2005** – Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 800 с.
- Грамоты..., 1949** – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ин-т истории АН СССР, Ленингр. отд-ние; подгот. к печати В.Г. Вейман и др.; под ред. С.Н. Валка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Греков, 1946** – Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.-Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. мед. наук СССР, 1946. 959 с.
- Кафенгауз, 1939** – Кафенгауз Б.Б. Псковские «изорники» // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта. Серия историческая. М., 1939. Вып. II.
- Ключевский, 2019** – Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. 1197 с.
- Мартысевич, 1951** – Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота: Ист.-юрид. исследование. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1951. 208 с.
- Никонова, 2005** – Никонова Е.Г. История залоговых отношений. М., 2005.
- Памятники..., 1953** – Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / Сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. 442 с.
- Римское частное право, 1948** – Римское частное право. Учебник / Краснокутский В.А., Новицкий И.Б., Перетерский И.С., Розенталь И.С. и др.; Науч. ред.: Новицкий И.Б., Перетерский И.С. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 583 с.
- Судебники..., 1952** – Судебники XV–XVI веков / Подготовка текстов Р.Б. Мюллер и Л.В. Черепнина; Коммент. А.И. Копанева [и др.]; Под общ. ред. [и с предисл.] акад. Б.Д. Грекова. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 619 с.
- Удинцев, 1908** – Удинцев В.А. История займа. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1908. 268 с.
- Устрялов, 1855** – Устрялов Ф. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г. СПб., 1855.
- Черепнин, 1969** – Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник / АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1969. 438 с.
- Энгельман, 1855** – Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. СПб., 1855.

[Szeftel, 1963](#) – *Szeftel M.* Documents de droit public relatifs à la Russie médiévale. Bruxelles. 1963.

[Vodoff, 1970](#) – *Vodoff Wladimir.* Les débuts du crédit en Russie. *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1970. 11(2): 193-220.

References

[Artsikhovskii, 1963](#) – *Artsikhovskii, A.V.* (1963). Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1958–1961). [Novgorod letters on birch bark (from excavations 1958–1961)]. M. [in Russian].

[Artsikhovskii, 1958](#) – *Artsikhovskii, A.V.* (1958). Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1955). [Novgorod letters on birch bark (from excavations 1955)]. M. [in Russian]

[Bartoshek, 1989](#) – *Bartoshek, M.* (1989). Rimskoe pravo: ponyatiya, terminy, opredeleniya. [Roman law: concepts, terms, definitions]. M. [in Russian]

[Brokgauz, Efron, 1894, 1900](#) – *Brokgauz, F.A., Efron, I.A.* (1894, 1900). Entsiklopedicheski slovar'. T. XIII (st. «Ipoteka»), XXX (st. «Solon»). [Encyclopedic dictionary. Vol. XIII (art. "Mortgage"), XXX (art. "Solon")] SPb. [in Russian]

[Vladimirskii-Budanov, 2005](#) – *Vladimirskii-Budanov, M.F.* (2005). Obzor istorii russkogo prava. [Review of the history of Russian law]. M. [in Russian]

[Gramoty..., 1949](#) – Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Diplomas of Veliky Novgorod and Pskov]. M., L., 1949. [in Russian]

[Grekov, 1946](#) – *Grekov, B.D.* (1946). Krest'yane na Rusi s drevneishikh vremen do XVII v. [Peasants in Russia from ancient times to the XVII century]. M.; L. [in Russian]

[Kafengauz, 1939](#) – *Kafengauz, B.B.* (1939). Pskovskie «izorniki» [Pskov "izorniki"]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. K. Libknekhta.* Seriya istoricheskaya. M. [in Russian]

[Klyuchevskii, 2019](#) – *Klyuchevskii, V.O.* (2019). Kurs russkoi istorii. Polnoe izdanie v odnom tome. [The course of Russian history. Complete edition in one volume.]. M. [in Russian]

[Martysevich, 1951](#) – *Martysevich, I.D.* (1951). Pskovskaya sudnaya gramota: Ist.-yurid. issledovanie. [Pskov judicial charter: Historical and legal research]. M. [in Russian]

[Nikonova, 2005](#) – *Nikonova, E.G.* (2005). Istoriya zalogovykh otnoshenii [History of collateral relations]. M. [in Russian]

[Pamyatniki..., 1953](#) – Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 2. Pamyatniki prava feodal'no-razdroblennoi Rusi. XII–XV vv. [Monuments of Russian law. Issue 2. Monuments of the law of feudal-fragmented Russia. XII–XV centuries]. M., 1953. [in Russian]

[Rimskoe chastnoe pravo, 1948](#) – Rimskoe chastnoe pravo. Uchebnik [Roman private law. Textbook]. M., 1948. [in Russian].

[Sudebniki..., 1952](#) – Sudebniki XV-XVI vekov [Sudebniki of the XV-XVI centuries]. M., 1952. [in Russian]

[Udintsev, 1908](#) – *Udintsev, V.A.* (1908). Istoriya zaima. [Loan history]. Kiev. [in Russian]

[Ustryalov, 1855](#) – *Ustryalov, F.* (1855). Issledovanie Pskovskoi Sudnoi gramoty 1467 g. [Investigation of the Pskov Court Charter of 1467]. SPb. [in Russian]

[Cherepnin, 1969](#) – *Cherepnin, L.V.* (1969). Novgorodskie berestyanye gramoty kak istoricheskii istochnik [Novgorod birch bark letters as a historical source]. M. [in Russian]

[Engel'man, 1855](#) – *Engel'man, I.* (1855). Sistematischeskoe izlozhenie grazhdanskikh zakonov, soderzhashchikhsya v Pskovskoi Sudnoi gramote [Systematic presentation of civil laws contained in the Pskov Court Charter]. SPb. [in Russian]

[Szeftel, 1963](#) – *Szeftel, M.* (1963). Documents de droit public relatifs à la Russie medieval [Public law documents relating to medieval Russia]. Bruxelles. P. 220. [in French]

[Vodoff, 1970](#) – *Vodoff, W.* (1970). Les débuts du crédit en Russie [The beginnings of credit in Russia]. *Cahiers du monde russe et soviétique.* 11(2): 193-220. [in French]

Правовой режим института залога в Псковской судной грамоте

Екатерина Александровна Свиридова ^{a, *}, Наталья Ивановна Беседкина ^a,
Руслан Владимирович Мамедов ^a

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: esviridova@fa.ru (Е.А. Свиридова), nbesedkina@fa.ru (Н.И. Беседкина), rvmamedov@fa.ru (Р.В. Мамедов)

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены особенности развития правового регулирования института залога в Псковской Судной грамоте 1467 года. Значительное внимание уделяется анализу архивных и историко-правовых документов, а также исследованию берестяных грамот и пергаментов, содержащих долговые расписки, списки должников, акты закладных сделок. Дополнительным источником исследования выступили сборники памятников права средневековой Руси, позволившие прийти к выводу о значительном развитии залоговых правоотношений в последнее столетие независимости Псковской республики. В статье анализируются функции залога, рассматривается институт перемены лиц в залоговом обязательстве, особенности реализации предмета залога, основания возникновения залоговых правоотношений. Цель данного исследования заключается в проведении историко-правового анализа эволюции института залога древнерусского гражданского права, содержащегося в Псковской Судной грамоте. Сделан вывод о возможности рассматривать Псковскую Судную грамоту в качестве кодифицированного акта законодательства, заложившего основы отдельных институтов залогового права. Доказывается, что Псковская Судная грамота закрепляет обеспечительную и доказательственную функции залога. Авторы формулируют вывод о наличии в Псковской Судной грамоте двух оснований возникновения залога: на основании договора и в силу закона. На основе анализа псковских и новгородских грамот делается вывод о существовании в период действия Псковской Судной грамоты института залога имущественного права. Толкование предмета залога в Псковской Судной грамоте предлагается осуществлять расширительно, включая в него не только предметы материального мира, но и имущественные права требования.

Ключевые слова: Псковская Судная грамота, залог, имущественные права, предмет залога, договор, обязательство, грамоты, кредитор, должник.